

A detailed movie poster for the film 'Петля'. The central figure is a man with a rugged, weathered appearance, featuring curly brown hair, a beard, and a mustache. His face is marked with several bloody wounds, particularly on his cheeks and forehead, conveying a sense of intense conflict and suffering. He is dressed in a dark, heavy coat with a prominent red lining, over a dark shirt and a red scarf. A large, ornate metal buckle or part of a weapon is visible on his left shoulder. The background is a hazy, desaturated scene of a battle or a military formation, with many soldiers in uniform and spears visible, suggesting a historical or war setting. The overall tone is somber and dramatic.

Максим Козлов

Петля

18+

Максим Козлов

Петля

<https://litres.ru/74030488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петля

Учитель истории Андрей Стрельцов проживает жизнь за жизнью, умирая и возрождаясь снова. Чума, война, старость — он помнит каждую из сорока семи смертей. В каждой новой жизни он пытается стать «хорошим человеком», но что-то неизменно идёт не так. Когда он спасает ребёнка, не убив насильника, — гибнут пятеро других. Когда убивает — выясняется, что ошибся. Когда не вмешивается — умирает жена.

В сорок седьмой жизни он принимает решение: уничтожить зло до того, как оно свершится. Он составляет список. Он убивает. Преступность падает до нуля. Но однажды он убивает четырнадцатилетнего мальчика, который не сделал ничего плохого. Просто его имя оказалось похожим на имя из списка.

Петля замыкается.

«Петля» — метафизический триллер, написанный в суровом, лаконичном стиле Хемингуэя. Это книга о насилии, которое невозможно остановить насилием, о цене справедливости и о вечном круге, из которого, кажется, нет выхода. Или есть?

Содержание

Звонок	4
Снег	31
Список	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Максим Козлов

Петля

*Тот, кто сражается с чудовищами, должен
остерегаться, чтобы самому не стать чудовищем.
И если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже
смотрит в тебя.*

— Фридрих Ницше

Звонок

Звонок прозвенел в десять минут девятого. Солнце било в окна класса так, что пыль висела в воздухе золотыми столбами. Парты стояли ровно. Три ряда по пять. Доска была вымыта. Мел лежал в желобке — два белых куска и один синий. Синий он не использовал. Синий был для дат. Даты он писал синим. Имена — белым. Кровь — красным. Но красного мела в желобке не было. Красный он носил с собой.

Он стоял у окна и смотрел на школьный двор. Двор был пуст. Асфальт треснул в трёх местах. В трещинах росла трава. Трава была жёлтая. Сентябрь. Второй урок. История. Девятый «А».

Его звали Андрей Викторович Стрельцов. Сорок два года. Учитель истории. Стаж — шестнадцать лет. В этой жизни.

В прошлой жизни он был мясником. В позапрошлой —

хирургом. В жизни номер тридцать один он был безработным и жил на пособие. В жизни номер двенадцать он был инженером на заводе. В жизни номер один он был фермером и умер от чумы в тридцать четыре года. Он помнил всё. Помнил запах гниющей плоти. Помнил, как его звали тогда. Его звали Петер. У него была жена и две дочери. Дочерей звали Анна и Мария. Они умерли раньше него. Он держал их за руки, когда они умирали. Руки были горячие и сухие. Потом холодные. Потом их тела сожгли в общей яме. Он помнил дым. Дым был чёрный и жирный. Он пах сладким.

Петля началась тогда. Он не знал почему. Он умер от чумы — и проснулся младенцем в другой стране, в другом веке, с памятью о прошлой жизни. Сначала он думал, что это ад. Потом — что дар. Потом — что проклятие. Сейчас он не думал об этом никак. Это было просто то, что было. Как дождь. Как гравитация. Как смерть.

Он прожил сорок семь жизней. Он помнил каждую. Имена, даты, лица, запахи, вкусы, боль. Особенно боль. Боль он помнил лучше всего. Боль была единственной константой. В каждой жизни он умирал. В каждой жизни он помнил все предыдущие смерти. Это были сорок семь смертей. Сорок семь раз его сердце останавливалось. Сорок семь раз он закрывал глаза в одной реальности и открывал в другой. Крик младенца. Свет. Руки акушерки. Новое имя. Новое тело. Старая память.

В первой жизни он был фермером. Он не сделал ничего

плохого. Просто жил. Пахал землю. Сеял рожь. Любил жену. Растил дочерей. Когда пришла чума, он молился. Это не помогло. Умер в канаве у дороги. Его тело съели собаки. Он помнил их зубы. Это была хорошая жизнь. Он этого не знал тогда.

Во второй жизни он решил защищать. Стал солдатом. Его звали Жан. Воевал за Францию. Убил одиннадцать человек. Он помнил лицо каждого. Первый был мальчик. Мальчику было лет шестнадцать. У него были голубые глаза и родимое пятно на шее. Жан ударил его штыком в живот. Мальчик кричал. Он кричал «мама». По-немецки. «Mutter». Жан запомнил это слово. Через три года он умер от гангрены. Нога почернела. Её отрезали без наркоза. Умер на столе. Он думал: это справедливо. Смерть за смерть. Зуб за зуб.

В третьей жизни стал священником. Хотел искупить. Не брал в руки оружия. Исповедовал грешников. Молился за убийц. Прожил до семидесяти двух лет. Умер в своей постели. Перед смертью понял, что так и не простил себя за того немецкого мальчика. Просто спрятал это. Спрятал глубоко. Так глубоко, что сам забыл, где спрятал. Но боль осталась. Боль всегда остаётся.

Четвёртая жизнь. Пятая. Шестая. Пробовал всё. Был врачом. Был судьёй. Был вором. Был поэтом. Был отцом. Был убийцей. Был святым. Был чудовищем. Пытался найти формулу. Способ прожить жизнь так, чтобы в конце не было этого вкуса — вкуса пепла на языке. Способ умереть спокойно.

Способ разорвать петлю.

Не нашёл.

В двенадцатой жизни он работал на заводе. Жил в маленьком городе. Был никем. Хотел быть никем. Думал: если я буду никем, зло не найдёт меня. Зло нашло. Однажды вечером шёл домой через парк. В парке было темно. Фонари не горели. Услышал крик. Девочка. Лет десять. Мужчина тащил её в кусты. Андрей — тогда его звали Виктор — видел это. Стоял и смотрел. Пять секунд. Десять. Думал: если вмешаюсь, меня могут убить. Или посадить. Или и то и другое. Он боялся. Страх был холодный и липкий. Сковал ноги. Не мог двинуться. А потом он всё-таки двинулся. Ударил мужчину палкой. Мужчина упал. Девочка убежала. Андрей не убил его. Не добил. Просто ушёл. Думал, что поступил правильно. Спас ребёнка и не стал убийцей. Чисто. Хорошо.

Через неделю этот мужчина убил пятерых детей в соседнем районе. Зарезал их в подвале заброшенного дома. Тела нашли через месяц. Пятеро. Самой младшей было шесть. Андрей прочитал об этом в газете. Сидел на кухне и смотрел на фотографии. Детские лица. Чёрно-белые. Запомнил их навсегда. Он знал их имена. Выучил. Повторял каждую ночь перед сном, как молитву. Лена. Паша. Катя. Миша. Света. Он убил их. Не тот мужчина. Он. Потому что он не убил того мужчину. Оставил ему жизнь — и эта жизнь стоила ещё пяти. Он понял это ясно, как математическую формулу. Милосердие плюс чудовище равно смерти невинных. Простое

уравнение.

В тринадцатой жизни он стал другим. Он убивал. Убил троих. Насильников и убийц. Тех, кого суд оправдал за недостатком улик. Знал их имена из прошлой жизни. Из газет. Из памяти. Убивал их чисто. Нож. Ночь. Никаких свидетелей. Чувствовал правоту. Чувствовал справедливость. Спал спокойно. Думал: я решил уравнение.

В двадцать третьей жизни он ошибся. Убил человека, которого считал виновным. Газеты писали о нём как о маньяке. Соседи шептались. Улики указывали на него. Андрей выследил его. Ударил ножом в сердце. Тот умер быстро. А через месяц настоящего маньяка поймали. Признался. Тот, кого убил Андрей, был невиновен. Его звали Сергей. У него была жена и сын. Сын родился через две недели после смерти отца. Андрей убил невиновного. Убил отца. Убил мужа. Стал тем, с кем боролся. Понял это ночью, в ванной, глядя на свои руки. Руки были чистые. Вода текла. Он тёр их мылом. Руки не отмывались.

В тридцать первой жизни решил не вмешиваться вообще. Совсем. Видел зло и отворачивался. Слышал крики и уходил. Стал прозрачным. Стал стеклом. Мир тёк сквозь него. Думал: это мудрость. Думал: я не Бог. Не имею права судить. Не имею права ошибаться. Я просто человек. Человек, который живёт свою жизнь и не лезет в чужие.

Его жену звали Ольга. Была хорошая женщина. Добрая. Пекла хлеб по воскресеньям. Смеялась, когда он читал ей

стихи. У неё были тёплые руки. Однажды она пошла в магазин и не вернулась. Её тело нашли в овраге за гаражом. Тот же человек. Тот же, кого он не убил в двенадцатой жизни. Тот же, кто убил пятерых детей. Петля замкнулась. Зло не исчезало. Оно ждало. Оно всегда ждало. Нашло его жену. Нашло его. Потому что он отвернулся. Потому что он решил быть чистым. Чистота стоила жизни. Чистота была убийцей.

После тридцать первой жизни он перестал верить в чистоту.

Теперь он стоял у окна в классе и смотрел на жёлтую траву. Сорок седьмая жизнь. Текущая. Жизнь, в которой он принял решение. Решение было простое. Он убьёт всех. До того, как они совершат преступление. Знал их. Помнил их. Прожил достаточно жизней, чтобы выучить имена. Знал, кто станет убийцей. Кто станет насильником. Кто ломает чужую жизнь. Знал их биографии. Адреса. Привычки. Составил список. Двенадцать имён. Двенадцать человек в этом городе. Убил их всех. Первого — в марте. Последнего — в августе. Сейчас был сентябрь. Преступность в городе упала до нуля. За пять месяцев ни одного убийства. Ни одного изнасилования. Ни одного ограбления. Город спал спокойно. Город не знал. Город думал, что это статистика. Случайность. Хорошая работа полиции. Никто не знал, что это работа учителя истории.

Он убивал их чисто. Нож. Верёвка. Иногда руки. Не оставлял следов. Знал, как не оставлять следов. Прожил достаточ-

но жизнью, чтобы научиться. Жизнь номер шестнадцать — он был криминалистом. Жизнь номер двадцать семь — работал в морге. Знал, как разлагается тело. Как сворачивается кровь. Как исчезают отпечатки. Был профессионалом. Лучшим в мире. Потому что никто в мире не тренировался сорок семь жизнью.

Двенадцать имён. Двенадцать тел. Двенадцать могил. Некоторые тела не нашли. Некоторые нашли, но не опознали. Всё сделал правильно. Был доволен. Впервые за сорок семь жизнью чувствовал нечто похожее на покой. Не счастье. Счастье — это для дураков. Покой. Тишину. Отсутствие крика в голове. Уравнение было решено. Зло вычтено из мира. Минус двенадцать. Ноль. Чистый ноль.

Он отошёл от окна. Класс наполнялся учениками. Входили по одному и по двое. Шумели. Двигали стульями. Настя села за первую парту. Она всегда садилась за первую парту. Любила историю. Хотела стать археологом. Он знал это. Знал про всех своих учеников. Знал, что у Димы отец пьёт. Знал, что Катя режет себе руки лезвием. Знал, что Илья продаёт наркотики за школой. Знал, что Лена беременна. Ей пятнадцать. Отец ребёнка — её отчим. Андрей знал это. Отчима не было в его списке. Отчим не был серийным убийцей. Он был просто подонком. Мелким. Обычным. Таких были тысячи. Таких он не трогал. Список был только для худших. Для тех, кто отнимает жизнь. Для тех, чьё будущее он видел в прошлых жизнях. Отчим Лены не убивал. Он просто ло-

мал. Это была другая категория. Не его.

— Здравствуйте, Андрей Викторович, — сказала Настя. Она улыбалась. У неё были брекеты. Солнце отражалось от металла.

— Здравствуй, Настя, — сказал он. Голос был ровный. Голос был как мел. Сухой. Белый.

Он открыл журнал. Журнал был старый. Картонная обложка. Синие чернила. Список класса. Двадцать три фамилии. Посмотрел на список. Список был чистый. Никто из класса не был в его другом списке. В том списке. В списке, который лежал у него дома, в книге «История Средних веков», между страницами двести двенадцатой и двести тринадцатой. Там были имена. Двенадцать имён. Одиннадцать из них были зачёркнуты. Красными чернилами. Красный был для исполненного. Чёрный — для планов. Синий — для дат.

Одно имя оставалось незачёркнутым. Двенадцатое. Последнее. Планировал закончить сегодня. Сегодня вечером. После школы. Человек по имени Григорий Савельев. Тридцать восемь лет. Охранник в супермаркете. Через два года он убьёт трёх женщин. Задушит их колготками. Тела закопает в лесу. Его поймают только после пятой жертвы. Но в этой жизни Андрей не даст ему дойти даже до первой. Сегодня вечером Григорий Савельев умрёт. И список будет завершён. И наступит покой. Настоящий. Полный. Математический.

— Тема урока — «Опричнина Ивана Грозного», — сказал

он. — Откройте тетради. Запишите число.

Они записывали. Ручки скрипели. Кто-то уронил учебник. Звук был глухой. Андрей смотрел на их головы. Светлые. Тёмные. Рыжие. Дети. Они не знали, что сидят перед человеком, который убил одиннадцать человек. Не знали, что их учитель — самый успешный серийный убийца в истории. Не знали, что он спас их. Что без него кто-то из них мог бы не дожить до выпускного. Кто-то мог бы лежать в земле. Кто-то мог бы кричать в подвале. Этого не случится. Он позаботился. Он был хорошим учителем.

— Опричнина, — сказал он, — была инструментом террора. Иван Грозный создал её, чтобы бороться с изменой. Он считал, что жестокость оправдана целью. Считал, что убийство немногих спасёт многих. Он ошибался.

Помолчал. Класс смотрел на него. Тишина.

— Или не ошибался, — сказал он. — Это вопрос. Вопрос, на который нет ответа. Запишите: «Может ли насилие породить добро?» Это тема эссе на следующий урок.

Они записали. Настя подняла руку.

— Андрей Викторович, а как правильно ответить?

— Правильного ответа нет, — сказал он. — Есть только выбор. И последствия выбора. Вы узнаете это, когда вырастаете. Если вырастаете.

Он отвернулся к доске. Взял синий мел. Написал дату. 1565 год. Мел крошился. Синяя пыль падала на пол.

Урок длился сорок пять минут. Он говорил про казни.

Про массовые казни в Новгороде. Про то, как опричники топили людей в Волге. Про то, как Иван Грозный убил своего сына. Говорил спокойно. Факты. Даты. Имена. Никаких эмоций. Эмоции были лишними. Эмоции мешали работе.

В конце урока он задал домашнее задание. Параграф двенадцатый. Вопросы в конце. Эссе по желанию.

Звонок прозвенел в девять пятьдесят. Они вышли. Класс опустел. Остался запах мела и пота. Остался солнечный свет. Остался он.

Он сел за учительский стол. Стол был деревянный. Лакированный. На столе лежала стопка тетрадей. Он взял верхнюю. Тетрадь Насти. Почерк ровный. Буквы круглые. Она писала про опричнину. Про то, что это было ужасно. Про то, что Иван Грозный был тираном. Про то, что насилие никогда не оправдано. Никогда. Она подчеркнула это слово два раза. Никогда.

Он закрыл тетрадь. Знал то, чего не знала Настя. Знал, что иногда насилие — единственный язык, который понимает зло. Знал, что иногда добро должно надеть маску зла, чтобы победить. Знал, что чистота — это ложь. Что чистых нет. Что у каждого кровь на руках. У кого-то видимая. У кого-то нет. У тех, кто отвернулся, — невидимая. Но она есть. Она всегда есть.

Он встал. Подошёл к окну. Двор больше не был пуст. Дети бегали по асфальту. Кричали. Смеялись. Не знали. Неведение было их щитом. Он дал им этот щит. Заплатил за него.

Цена была одиннадцать жизней. Скоро двенадцать. Дюжина. Ровный счёт. Как яйца в коробке. Как месяцы в году.

Посмотрел на свои руки. Руки учителя. Пальцы в мелу. Под ногтями — ничего. Мыл руки шесть раз в день. Тщательно. С мылом. С горячей водой. Не хотел носить на себе следы. Не физические. Физических следов не было. Был аккуратен. Моральные — другое дело. Моральные следы были. Они были внутри. Но он научился с ними жить. Как живут с болью в спине. Как живут с шрамом. Привыкаешь.

Вспомнил первого. Первый был в марте. Его звали Олег. Олег Панкратов. Двадцать девять лет. Через год он должен был изнасиловать и убить восьмилетнюю девочку. Сделал бы это в подъезде её дома. Задушил бы шарфом. Андрей знал это. Видел это в тридцать второй жизни. Читал об этом в газетах. Помнил фотографию девочки. Её звали Алиса. У неё были косички.

Андрей нашёл Олега. Олег жил в хрущёвке на окраине. Третий этаж. Дверь деревянная. Замок простой. Андрей вошёл ночью. Олег спал. Андрей стоял над ним и смотрел. Пять минут. Десять. Смотрел на человека, который ещё ничего не сделал. Который был невиновен. Прямо сейчас. В эту секунду. В эту минуту. Он был невиновен. Но через год он бы убил. Андрей знал это. Знал точно. Как знают, что солнце встанет на востоке. Как знают, что вода мокрая. Это было не предположение. Это было знание. Доказанное сорока семью жизнями опыта.

Он убил его. Ножом. Один удар. В сердце. Олег умер во сне. Не проснулся. Не понял. Это было милосерднее, чем он заслуживал. Но Андрей не думал о милосердии. Милосердие было роскошью. Роскошью, которая стоила жизней. Он больше не мог себе её позволить.

Второй был в апреле. Третий — в мае. Четвёртый и пятый — в июне. Убивал их по одному. Методично. Как уроки в расписании. Как даты в учебнике. Убийство стало рутинной. Рутинная успокаивала. Он заметил это с удивлением. Убийство успокаивало. Давало смысл. Смысл был простой: он защищал. Был стеной между злом и невинными. Был опричником добра. Царём и псарём в одном лице.

После пятого перестал видеть сны. Сны были раньше. Кошмары. Лица жертв. Крики. Запах гари из первой жизни. Глаза немецкого мальчика из второй. После пятого убийства сны исчезли. Спал как камень. Восемь часов. Без сновидений. Это было облегчение. Это было почти счастье.

Шестой. Седьмой. Восьмой. Девятый. Десятый. Одиннадцатый. Убил их всех. Стёр из реальности. Переписал историю города. Историю мира. Маленькую историю. Частную. Но он знал, что капля меняет океан. Что убийство одного меняет судьбы тысяч. Дети, которые не умрут. Женщины, которые не будут плакать. Отцы, которые не поседеют от горя. Менял мир. По одному телу за раз.

Сегодня будет двенадцатый. Последний. Григорий Савельев. Охранник супермаркета. Тридцать восемь лет. Живёт

в частном доме на Зелёной улице. Дом номер четырнадцать. Синие ставни. Собака во дворе. Дворняга. Злая. Андрей подготовился. У него был план. План простой: кусок мяса со снотворным для собаки. Окно в ванной. Оно не закрывается. Знал это, потому что проверил три дня назад. Гулял мимо вечером. Собака лаяла. Окно было приоткрыто. Запомнил.

Посмотрел на часы. Десять пятнадцать. Было ещё три урока. Потом обед. Потом два урока. Потом домой. Потом вечер. Потом ночь. Потом работа.

Встал и пошёл в учительскую. В коридоре было пусто. Стены были выкрашены зелёной краской. Краска шелушилась. Пахло хлоркой. Где-то хлопнула дверь. Шаги были тихие. Носил мягкие туфли. Подошва войлочная. Не оставляет следов. Не издаёт шума.

В учительской сидела Татьяна Петровна. Завуч. Пятьдесят шесть лет. Седые волосы собраны в пучок. Пила чай из кружки. Кружка была с надписью «Лучшему учителю». Подарок на день учителя.

— Андрей Викторович, — сказала она. — Вы какой-то бледный сегодня. Всё в порядке?

— В порядке, — сказал он. — Просто не выспался.

— Вы бы отдохнули. Съездили бы в санаторий. У вас отпуск неиспользованный.

— Я подумаю, — сказал он.

Налил себе чай. Чай был чёрный. Горячий. Пар поднимался над кружкой. Смотрел на пар. Пар был белый. Напоми-

нал дым. Дым из первой жизни. Дым от костра, где сжигали тела. Отпил чай. Чай обжёг язык. Боль была резкая. Короткая. Настоящая. Это было хорошо. Боль возвращала в тело. В момент. В эту жизнь. В эту минуту.

— Слышали новость? — сказала Татьяна Петровна. — В городе за пять месяцев ни одного убийства. Это рекорд. Мэр медаль хочет давать начальнику полиции. А по мне — так просто повезло.

— Да, — сказал он. — Повезло.

Пил чай. Чай остывал. Смотрел в окно. Небо было синее. Без облаков. Хороший день. Подходящий день. День для завершения работы.

Допил чай. Поставил кружку в раковину. Вымыл руки. Вода была холодная. Тёр руки долго. Между пальцами. Под ногтями. Как хирург перед операцией. Как священник перед причастием. Как убийца перед убийством.

Пошёл на следующий урок. Десятый класс. История России. Тема — «Смутное время». Рассказывал про самозванцев. Про то, как легко толпа верит в ложь. Про то, как трудно отличить правду от вымысла. Ученики записывали. Не слушали. Смотрели в телефоны. Зевали. Не знали, что сидят перед человеком, который решил уравнение. Который нашёл ответ. Который стал Богом. Или дьяволом. Или и тем и другим сразу.

Смотрел на них и думал: я убил одиннадцать человек, чтобы вы могли сидеть здесь и зевать. Чтобы вы могли смотреть

в телефоны. Чтобы вы могли быть беспечными и глупыми. Я дал вам это. Я дал вам мир. Вы не знаете. Вы никогда не узнаете. Это нормально. Это правильно. Знание — это проклятие. Я ношу его, чтобы вы не носили. Я ваш агнец. Ваш козёл отпущения. Ваш опричник.

Урок закончился. Ещё один урок. Обед. Ещё два урока. Домой. Вечер. Ночь. Работа.

Время шло медленно. Время шло как вода в замерзающей реке. Смотрел на часы каждые пять минут. Стрелки ползли. Учитель физики рассказывал про теорию относительности. Про то, что время течёт по-разному. Андрей знал это без физики. Прожил сорок семь жизней. Знал, что время — это резина. Оно растягивается. Оно сжимается. Оно петля. Оно кольцо. Оно змея, кусающая свой хвост.

После обеда сидел в классе и проверял тетради. Ошибки. Помарки. Глупые ответы. Умные ответы. Одна девочка написала: «Насилие порождает только насилие. Это круг. Его нельзя разорвать». Поставил ей пятёрку. Она была права. И неправа. Была молода. Не знала. Он знал. Знал, что круг можно разорвать. Но цена разрыва — самому стать звеном круга. Вот и вся мудрость. Вот и весь секрет.

В пять часов уроки закончились. Собрал вещи. Портфель. Тетради. Учебник. Мел из желобка. Красный мел не брал. Красный мел был в портфеле. Отдельный карман. Проверил. Мел был на месте. Не знал, зачем носил его. Привычка. Ритуал. Мел был как меч. Символ. Не убивал мелом. Но метил.

Метил даты. Даты казней.

Вышел из школы. Воздух был тёплый. Сентябрьское солнце грело спину. Пошёл по улице. Мимо пятиэтажек. Мимо киоска с шаурмой. Мимо старухи с коляской. Смотрел на людей. Они не смотрели на него. Был невидим. Всегда был невидим. Учитель истории. Серый костюм. Серое лицо. Серые волосы. Никто не смотрит на серых людей. Это было его преимущество. Его оружие.

Пришёл домой. Дом был девятиэтажный. Панельный. Лифт не работал. Поднялся на пятый этаж пешком. Ступени были стёртые. Перила шатались. Открыл дверь. Ключ повернулся бесшумно. Смазывал замок каждую неделю. Машинным маслом. Чтобы не скрипел. Чтобы соседи не слышали, когда он приходит и уходит.

Квартира была однокомнатная. Чистая. Голые стены. Никаких фотографий. Никаких картин. Кровать. Стол. Стул. Книжный шкаф. В шкафу — книги по истории. Много книг. И одна книга не по истории. «История Средних веков». Том третий. Между страницами двести двенадцатой и двести тринадцатой лежал список. Достал книгу. Достал список. Развернул.

Двенадцать имён. Одиннадцать зачёркнуты красным. Одно осталось. Григорий Савельев. Сегодня.

Положил список на стол. Разгладил. Посмотрел. Имена были написаны его рукой. Почерк ровный. Буквы печатные. Как в классном журнале. Как в приказе. Как в приговоре.

Поужинал. Хлеб. Сыр. Чай. Ел медленно. Тщательно пережёвывал. Еда была безвкусная. Еда была топливо. Не больше. Не получал удовольствия от еды уже много жизней. Удовольствие было в другом. В порядке. В чистоте. В правильности.

После ужина проверил снаряжение. Нож. Острый. Точил его сегодня утром. Верёвка. На случай, если нож не работает. Перчатки. Кожаные. Чёрные. Фонарик. Маленький. С красным светофильтром. Красный не портит ночное зрение. Мясо для собаки. Снотворное. Растворил его в воде и впрыснул шприцем в кусок говядины. Мясо лежало в холодильнике в полиэтиленовом пакете. Проверил. Всё было готово.

Сел на стул и стал ждать. Ждать было легко. Умел ждать. Жизнь номер девять — был снайпером. Лежал в засаде сутками. Ждал. Терпел. Ждал. Это было то же самое. Ожидание. Тишина. Пустота в голове. Никаких мыслей. Только цель.

В десять вечера встал. Пора.

Оделся в тёмное. Куртка. Штаны. Ботинки с мягкой подошвой. Нож в ножны на поясе. Верёвка в карман. Фонарик в другой карман. Перчатки. Мясо в пакет. Пакет в сумку. Сумку на плечо. Вышел из квартиры. Запер дверь. Спустился по лестнице. Вышел на улицу.

Темнота была густая. Фонари горели через один. Шёл дворами. Знал маршрут. Знал город как свои руки. Как свои сорок семь жизней. Знал каждую подворотню. Каждую камеру.

Каждого свидетеля. Свидетелей не было. В это время люди сидят по домам. Смотрят телевизор. Пьют чай. Не знают, что по их улице идёт человек, который решает судьбы.

Зелёная улица была тихая. Частный сектор. Заборы. Собаки. Собаки лаяли. Но не та собака. Та собака молчала. Пока.

Подошёл к дому номер четырнадцать. Синие ставни. Калитка закрыта. Перелез через забор. Тихо. Собака заворчала. Бросил мясо. Собака понюхала. Съела. Через пять минут она уснёт. Ждал. Время шло. Собака зевнула. Легла. Закрыла глаза. Пошёл к окну ванной. Окно было приоткрыто. Открыл его полностью. Залез внутрь.

Ванная. Запах мыла. Кафель. Стакан с зубными щётками. Две щётки. У Савельева была жена. Андрей знал это. Жена сегодня была в ночной смене. Работала медсестрой. Знал и это.

Вышел из ванной. Коридор. Половицы скрипели. Но он знал, где скрипит. Обходил скрипучие места. Был в этом доме раньше. Днём. Под видом страхового агента. Всё осмотрел. Всё запомнил. Профессионал.

Дверь в спальню была приоткрыта. Вошёл. Кровать. Савельев спал. Храпел. Лысый. Толстый. Руки поверх одеяла. Андрей стоял и смотрел. Как тогда. Как в первый раз. Человек, который через два года убьёт трёх женщин. Задушит их колготками. Закопает тела в лесу. Человек, который сейчас невиновен. Который сейчас просто спит. Который сейчас

просто человек.

Андрей смотрел. Пять секунд. Десять. Рука на ноже. Знал это чувство. Чувство власти. Чувство правоты. Чувство неизбежности. Он — рука судьбы. Он — инструмент. Он — петля, которая затягивается на шее зла.

Вынул нож. Нож был чёрный. Лезвие не блестело. Покрыл его матовым лаком. Чтобы не было бликов.

Шагнул к кровати.

И тут Савельев открыл глаза.

Это случилось. Иногда они просыпались. Инстинкт. Шум. Предчувствие. Неважно. План был готов. Если проснётся — удар в горло. Быстро. Без звука.

Савельев открыл рот. Хотел закричать. Андрей ударил. Нож вошёл в горло. Крик превратился в хрип. Кровь. Много крови. На подушку. На одеяло. На руки Андрея. Перчатки стали мокрые. Липкие. Выдернул нож. Ударил ещё раз. В сердце. Савельев дёрнулся и затих.

Всё. Двенадцатый.

Андрей стоял над телом. Дышал ровно. Пульс не участился. Руки не дрожали. Был спокоен. Спокойнее, чем на уроке. Спокойнее, чем во сне. Сделал это. Закончил. Список завершён. Зло искоренено. Мир стал чище. На двенадцать единиц чище.

Вытер нож об одеяло. Убрал в ножны. Снял перчатки. Положил в пакет. Пакет в сумку. Осмотрел комнату. Следов нет. Знал, что следов нет. Был аккуратен.

Вышел тем же путём. Ванная. Окно. Двор. Собака спала. Перелез через забор. Пошёл по улице. Темнота. Фонари. Шаги тихие. Дыхание ровное. Всё кончено.

Дома сжёг перчатки в раковине. Пепел смыл водой. Нож вымыл с мылом. Список достал. Красный мел. Зачеркнул двенадцатое имя. Красная линия. Ровная. Как строка в прописях. Как черта под диктантом.

Сел на стул. Посмотрел на список. Двенадцать красных линий. Двенадцать зачёркнутых имён. Сделал это. Победил. Чувствовал... Ничего. Пустоту. Чистую, прозрачную пустоту. Как стекло. Как небо в сентябре. Как вода в озере.

Лёг спать. Снов не было.

Утром пошёл в школу. Солнце светило. Дети бежали по асфальту. Уроки шли своим чередом. Писал даты синим мелом. Задавал вопросы. Проверял тетради. Всё было нормально. Всё было правильно.

Прошёл месяц. Два. Три. Преступность в городе держалась на нуле. Газеты писали о чуде. Полиция недоумевала. Мэр получил награду. Жизнь текла как река. Спокойная. Чистая. Андрей смотрел на эту реку и думал: я сделал это. Я изменил русло. Я убрал камни. Река течёт. Без крови. Без тел. Без крика.

В декабре выпал снег. Шёл по заснеженной улице. Хруст под ногами. Мороз щипал щёки. Думал о том, что, возможно, это конец. Возможно, он разорвал петлю. Возможно, проживёт эту жизнь до конца и умрёт. По-настоящему. Без пе-

перождения. Без новой жизни. Без памяти. Просто исчезнет. Это было бы хорошо. Это было бы правильно.

В январе он встретил мальчика.

Мальчику было четырнадцать. Учился в седьмом классе другой школы. Андрей не знал его. Но имя было в списке. Имя было похоже. Очень похоже. На одно из зачёркнутых. На имя, которое он вычеркнул в сентябре. Григорий Савельев. А этого мальчика звали Гриша Савелов. Почти то же самое. Почти.

Андрей увидел его случайно. На автобусной остановке. Мальчик стоял и ждал автобус. Шапка с помпоном. Рюкзак. Наушники. Слушал музыку и не смотрел по сторонам. Обычный мальчик. Обычное лицо. Андрей не знал, что с ним случится в будущем. Не проверял это имя. Оно не было в списке. Список был закончен. Двенадцать. Ровно. Но имя жгло. Имя было как заноза. Как камень в ботинке. Как муха в комнате.

Гриша Савелов. Григорий Савельев.

Что, если он ошибся? Что, если в прошлых жизнях газеты ошиблись? Что, если убийцей был не Савельев, а Савелов? Что, если он убил не того? Опять? Как в двадцать третьей? Как тогда?

Эта мысль пришла ночью. Пришла без стука. Легла рядом с ним в кровать. Дышала в ухо. Шептала. Не замолкала. Лежал и смотрел в потолок. Потолок был белый. Трещина в углу. Смотрел на трещину и думал. Думал о том, что

невозможно знать наверняка. Что память может подвести. Что жизни переплетаются. Что имена похожи. Что люди меняются. Что будущее не предопределено. Что он убил двенадцать человек, но, возможно, убил тринадцатого. И тринадцатый — невиновен.

Или нет? Или мальчик — будущий убийца? Или вырастет и сделает что-то ужасное? Андрей не знал. Не прожил эту жизнь до конца. Не видел будущего. Только помнил прошлое. Прошлые версии. Прошлые ветки. А эта ветка была новая. Эта реальность была изменена его действиями. Не знал, что будет дальше. Не знал ничего.

Перестал спать. Лежал ночами и думал. Думал о мальчике. О Грише Савелове. О том, что если он ошибся — значит, убил невиновного. Опять. И все его жертвы были напрасны. И он не спаситель. Он — убийца. Просто убийца. Ещё один маньяк. Ещё одно чудовище в человеческой шкуре.

А если не ошибся? Если мальчик — зло? Если вырастет и убьёт? И Андрей мог остановить его сейчас, но не остановит? И тогда смерти будут на нём. Как в двенадцатой жизни. Как в тридцать первой. Отвернулся — и погибли невинные. Этот урок он выучил. Этот урок он не мог забыть.

Это была петля. Та же самая петля. Думал, что разорвал её, — но она просто сжалась. Сузилась. Стала туже.

Утром встал. Холодный душ. Чай. Хлеб. Смотрел на список. На двенадцать красных линий. Думал: тринадцатая не помешает. Одна лишняя. Для страховки. Для уверенности.

Для покоя. Если мальчик невиновен — это будет ошибкой. Ещё одной ошибкой. Если виновен — это будет правосудием. Он не узнает. Никто не узнает. Мир не узнает.

Взял нож. Наточил его. Вышел из дома.

Знал, где живёт мальчик. Узнал. Адрес. Школа. Маршрут. Знал всё. Был профессионалом.

Вечером стоял за углом дома, где жил Гриша Савелов. Мальчик вышел из подъезда. Один. Без шапки. Волосы расчёпаны. Пошёл к мусорным бакам. Выносить мусор. Мать попросила. Обычное дело. Обычный вечер.

Андрей пошёл за ним. Нож был в кармане. Рука на рукояти. Подошёл близко. Мальчик обернулся. Увидел его. Улыбнулся. Вежливо. Как улыбаются незнакомым взрослым.

— Здравствуйте, — сказал мальчик.

— Здравствуй, Гриша, — сказал Андрей.

— Вы меня знаете?

— Знаю.

Вынул нож. Мальчик посмотрел на нож. Улыбка исчезла. Не закричал. Не побежал. Просто смотрел. Андрей смотрел на него. На его лицо. На его глаза. Глаза были серые. Как у Андрея. Как у сотен других людей. Обычные глаза.

— За что? — спросил мальчик.

Андрей не ответил. Ударил. Нож вошёл легко. Мальчик упал. Кровь на снегу. Красная на белом. Андрей стоял и смотрел. Ждал чувства правоты. Чувства завершенности. Чувства покоя.

Чувства не было. Была пустота. Другая пустота. Холодная. Чёрная. Как космос. Как смерть.

Наклонился и проверил карманы мальчика. Школьный пропуск. Ключи. Сложенный листок бумаги. Развернул. Это было письмо. Мальчик писал Деду Морозу. Как в детстве. Глупо. Трогательно. «Дорогой Дедушка Мороз. Я знаю, что ты не существуешь, но я всё равно пишу. Моя мама заболела. У неё рак. Врачи говорят, что нужна операция. У нас нет денег. Я знаю, что ты не поможешь, но я просто хочу, чтобы кто-то знал. Я не знаю, кому ещё написать. Я хочу, чтобы мама выздоровела. Я хочу, чтобы всё было хорошо. Пожалуйста. Гриша».

Андрей прочитал. Перечитал. Буквы расплывались. Снег падал на бумагу. Снежинки таяли. Чернила расплывались.

Убил ребёнка. Убил ребёнка, который ничего не сделал. Который писал письма Деду Морозу. Который хотел спасти маму. Который просто жил.

Убил его. Из-за паранойи. Из-за страха. Из-за того, что имя было похоже. Из-за того, что не мог остановиться. Из-за того, что петля затянулась.

Стал тем, с кем боролся. Хуже. Стал хуже. Те, кого он убивал, были потенциальными преступниками. Могли стать злом. А этот мальчик не был. Был просто мальчиком. Просто Гришей. Просто сыном. Просто человеком.

Андрей стоял над телом. Снег падал. Заметал следы. Кровь остывала. Смотрел на письмо. На почерк. Детский.

Неровный. Вспомнил тетрадь Насти. Её ровный почерк. Её эссе про насилие. «Насилие никогда не оправдано. Никогда».

Она была права.

Положил письмо в карман. Нож убрал. Пошёл прочь. Шаги были тяжёлые. Снег скрипел. Мир был белый. Белый и красный. Чистый и грязный. Шёл и не знал куда. Ноги сами несли. К дому. К школе. К реке. Неважно.

Пришёл домой. Сел на стул. Посмотрел на список. Двенадцать имён. И тринадцатое. Ненаписанное. Невидимое. Гриша Савелов. Не мог зачеркнуть его. У него не было красного мела. Красный мел кончился.

Просидел так всю ночь. Без сна. Без мыслей. Без чувств. Утром пошёл в школу. Вёл уроки. Писал даты синим мелом. Задавал вопросы. Настя подняла руку.

— Андрей Викторович, вы прочитали моё эссе?

— Да, — сказал он. — Хорошая работа. Я согласен. Насилие никогда не оправдано. Никогда.

Она улыбнулась. Брекеты блестели. Солнце светило. Пыль висела в воздухе. Урок продолжался.

Вечером закрыл дверь. Запер на ключ. Достал верёвку. Ту самую. Из сумки. Смотрел на неё долго. Потом сделал петлю. Проверил узел. Надёжный. Знал, как вязать узлы. Жизнь номер семь — был моряком.

Встал на табурет. Надел петлю на шею. Верёвка была грубая. Тёрла кожу. Стоял и смотрел на список. На двенадцать

красных линий. На тринадцатую невидимую. Думал: это выход. Это разрыв. Умрёт и проснётся в новой жизни. В сорок восьмой. И там, возможно, всё исправит. Возможно, не возьмёт нож. Возможно, найдёт другой путь. Возможно.

Или нет.

Не знал.

Толкнул табурет.

Темнота.

Свет.

Крик.

Проснулся. Младенец. Руки акушерки. Потолок. Лампа.

Боль. Жизнь.

Сорок восьмая.

Рос быстро. Память возвращалась сразу. Все сорок семь жизней. Все смерти. Все ошибки. Лицо мальчика. Письмо Деду Морозу. Чернила, расплывающиеся на снегу.

Жил. Ждал. Готовился.

И однажды, в новой жизни, снова увидел список. Не тот. Другой. Новые имена. Новые лица. Новые потенциальные злодеи. Новые невинные жертвы. Выбор. Тот же выбор.

Смотрел на список. Рука тянулась к ножу. Знал, что не должен. Знал, что повторит ошибку. Знал, что опять убьёт невиновного. Знал, что станет чудовищем.

Но также знал, что если не убьёт — умрут другие. Дети. Женщины. Мужчины. Люди, которые ещё ничего не сделали. Которые просто жили. Как тот мальчик. Как его жена в

тридцать первой. Как пятеро детей в двенадцатой.

Петля затянулась.

Взял нож.

Всегда брал нож.

Потому что не взять — значило предать. Не взять — значило позволить злу победить. Не взять — значило признать, что все его жертвы были напрасны. А он не мог этого признать. Не мог. Слишком много боли. Слишком много крови. Слишком много жизней.

Вышел в ночь. Нож был в руке. Список был в голове. Имена были как молитва. Как приговор. Как надежда.

Петля замкнулась.

Где-то далеко, в другой вселенной, в другой жизни, мальчик по имени Гриша писал письмо Деду Морозу. Девочка по имени Настя дописывала эссе о том, что насилие никогда не оправдано. Женщина по имени Ольга пекла хлеб и ждала мужа. Дети играли в школьном дворе. Собака лаяла на прохожих. Солнце светило.

А человек, который прожил сорок восемь жизней, шёл по тёмной улице и нёс в руке нож. Знал, что обречён. Знал, что петля бесконечна. Знал, что выхода нет.

Но всё равно шёл.

Потому что не идти было нельзя.

Потому что петля — это не выбор.

Петля — это то, что ты делаешь, когда выбора нет.

Снег

Снег пошёл в октябре. Рано. Слишком рано для этого города. Снег падал густой и тяжёлый. Ложился на асфальт и таял. Потом переставал таять. Потом лежал белый и чистый. Дети радовались. Взрослые ругались. Снег обещал долгую зиму. Снег обещал холод. Снег обещал смерть.

Андрей Викторович стоял у окна учительской и смотрел на снег. Чашка с чаем грела руки. Чай был чёрный. Без сахара. Он пил чай без сахара уже много жизней. Сладкое отвлекало. Сладкое напоминало о том, чего у него не было. О нормальной жизни. О доме. О семье. О том, как Ольга клала ему три ложки сахара, хотя он просил две. Она говорила: «Ты слишком горький, тебе нужно сладкое». Она ошибалась. Сладкое не помогало. Ничто не помогало.

— Андрей Викторович, вы на педсовет? — спросила Татьяна Петровна. Стояла в дверях с папкой. Папка была синяя. Пластиковая. С надписью «Повестка».

— Да, — сказал он. — Сейчас иду.

Педсовет был в актовом зале. Стулья расставили рядами. Учителя сидели и слушали директора. Директор говорил про успеваемость. Про патриотическое воспитание. Про то, что нужно больше внимания уделять трудным подросткам. Андрей слушал и думал о трудных подростках. О том, что некоторые из них — не трудные. Некоторые из них — зло. Чи-

стое. Неисправимое. Но никто этого не знает. Никто не видит. Только он.

Смотрел на коллег. Математик Иван Сергеевич. Лысый. Толстый. Добрый. Никогда не ставил двоек. Говорил: «Математика — это не главное. Главное — человек». Андрей думал: человек — это опаснее всего. Человек — это уравнение, которое не решается. Географичка Елена Павловна. Молодая. Красивая. Верила в Бога. Носила крестик поверх блузки. Говорила: «Бог простит». Андрей думал: Бог не прощает. Бог смотрит и молчит. Бог — это тишина. Химик Борис Аркадьевич. Старый. Жёлтые пальцы от сигарет. Кашлял на каждом уроке. Говорил: «Всё есть яд. Вопрос в дозе». Андрей думал: он прав. Насилие — это яд. Вопрос в дозе. Вопрос в том, кто и когда. Вопрос, на который нет ответа.

Директор говорил долго. Час. Полтора. Андрей не слушал. Смотрел на снег за окном. Снег падал и падал. Бесконечный. Как время. Как петля.

После педсовета пошёл в класс. Урок в девятом «Б». Девятый «Б» был шумный. Трудный. В этом классе учился Илья. Тот самый, что продавал наркотики за школой. Андрей знал это. Знал, кому Илья продаёт. Знал, сколько. Знал, где прячет товар. В спортивной сумке. В двойном дне. Мог бы сообщить в полицию. Мог бы вызвать родителей. Мог бы что-то сделать. Но не делал. Илья не был в списке. Илья не был убийцей. Илья был просто дураком. Мелким. Обычным. Таких были тысячи. Таких он не трогал.

— Тема урока — «Восстание декабристов», — сказал Андрей. — Откройте тетради. Запишите число.

Они записывали. Ручки скрипели. Снег бился в окно. Белые мухи. Крупные. Медленные.

— Декабристы хотели изменить страну, — сказал Андрей. — Верили, что убийство тирана принесёт свободу. Ошиблись. Убийство принесло только кровь. Кровь принесла страх. Страх принёс новый гнёт. Петля замкнулась.

Помолчал. Класс смотрел на него. Тишина.

— Но они хотя бы попытались, — сказал он. — Не сидели сложа руки. Рискнули. Заплатили собой. Это дорогого стоит. Или нет. Запишите вопрос: «Можно ли изменить мир насильем?» Это тема для размышления.

Илья поднял руку. Сидел на последней парте. Глаза красные. От недосыпа или от травы. Андрей знал, что от травы. Илья курил каждое утро перед школой.

— Андрей Викторович, а вы как думаете?

— Я думаю, что ответа нет, — сказал Андрей. — Есть только последствия. И те, кто их принимает.

— А если бы вы могли изменить мир? — спросил Илья. — Убили бы одного, чтобы спасти миллион?

Класс загудел. Настя обернулась и посмотрела на Илью осуждающе. Она не любила такие вопросы. Любила чёткие ответы. Правильные и неправильные. Чёрное и белое.

— Это сложный вопрос, — сказал Андрей.

— А вы ответьте, — сказал Илья. — Вы учитель. Должны

знать.

Андрей посмотрел на него. На красные глаза. На ухмылку. Был дерзкий. Проверял границы. Не знал, с кем разговаривает. Не знал, что его учитель уже ответил на этот вопрос. Сорок семь раз. Сорок восемь. Ножом. Верёвкой. Руками.

— Если бы я мог изменить мир, — сказал Андрей, — я бы изменил его так, чтобы этот вопрос не нужно было задавать.

Илья моргнул. Не понял. Никто не понял. Это было нормально.

— Открываем учебник, — сказал Андрей. — Параграф пятнадцатый.

После урока остался в классе один. Снег всё шёл. Подошёл к окну и положил ладонь на стекло. Стекло было холодное. Холодное — это хорошо. Холодное — это честно. Стоял так долго. Минуту. Пять. Десять. Думал о вопросе Ильи. О том, что ответил. О том, что мог бы ответить.

Вспомнил четвёртую жизнь. Тогда был врачом. Звали Антон. Работал в больнице. В хирургии. Спасал людей. Отнимал их у смерти. Думал, что это — правильный путь. Путь добра. Путь созидания. Оперировал бандита. Бандит был ранен в перестрелке. Три ножевых. Антон зашил его. Спас. Бандит вышел из больницы через две недели. Через месяц он убил двух человек. Антон прочитал об этом в газете. Сидел на кухне и смотрел на свои руки. Руки, которые спасли бандита. Руки, которые убили тех двоих. Потому что спасти убийцу — значит стать его соучастником. Потому что без-

действие — это действие. Потому что чистота — это ложь.

В шестой жизни был судьёй. Судил насильника. Улики были. Свидетели были. Но адвокат был хороший. Нашёл процессуальную ошибку. Насильника отпустили. Андрей — тогда его звали Михаил — видел, как тот выходит из зала суда. Улыбается. Подмигивает матери жертвы. Через полгода он изнасиловал ещё одну девочку. Андрей знал, что это случится. Знал, когда подписывал оправдательный приговор. Знал и подписал. Потому что закон. Потому что процедура. Потому что презумпция невиновности. Красивые слова. Мёртвые девочки.

В девятой жизни был снайпером. Лежал в засаде и ждал цель. Цель была — полевой командир. Убийца. Террорист. Ждал двое суток. На третьи сутки цель вышла. С ним был мальчик. Лет восьми. Сын. Снайпер выстрелил. Убил цель. Мальчик остался жив. Снайпер думал: это правильно. Одна смерть вместо многих. Потом узнал, что мальчик вырос и стал террористом. Мстил за отца. Убил пятнадцать человек. Андрей понял: насилие — это семя. Оно прорастает. Даёт плоды. Ты убиваешь отца — сын убивает тебя. Петля. Всегда петля.

Снег падал. Андрей убрал руку со стекла. На стекле остался след. Пять точек. Пальцы. След исчезал. Таял. Как всё.

Пошёл домой. Улицы были белые. Город стал тише. Снег глушил звуки. Шаги. Голоса. Мысли. Мысли тоже стали тише. Это было облегчение.

Дома сел за стол. Достал тетрадь. Тетрадь была толстая. Клетчатая. Вёл её с начала этой жизни. Сорок седьмой. Записывал туда всё. Имена. Даты. Адреса. Планы. Список. Список был на первой странице. Двенадцать имён. Все зачёркнуты. Перевернул страницу. Там были заметки. О прошлых жизнях. Об ошибках. О том, что он понял.

Писал: «Ошибка номер один: милосердие к хищнику. В двенадцатой жизни я пощадил насильника. Цена — пять детских жизней. Урок: хищник не исправляется. Хищника нужно уничтожать. Без жалости. Без сомнений».

Перечитал. Почерк был ровный. Буквы как под линейку. Писал это месяц назад. До того, как убил мальчика. До того, как понял про мальчика. Взял ручку. Зачеркнул последнее предложение. «Без жалости. Без сомнений». Зачеркнул дважды. Красными чернилами. Дописал: «Ошибка номер тринадцать: отсутствие сомнений. Сомнение — это то, что делает нас людьми. Я потерял сомнение. Стал машиной. Машина убила ребёнка».

Закрыл тетрадь. Посмотрел в окно. Снег. Бесконечный снег.

Вспомнил мальчика. Гришу. Гришу Савелова. Вспомнил его лицо. Серые глаза. Растрёпанные волосы. Улыбку, когда он сказал «здравствуйте». Вспомнил письмо. Письмо Деду Морозу. «Я хочу, чтобы мама выздоровела. Я хочу, чтобы всё было хорошо. Пожалуйста».

Андрей закрыл глаза. Письмо стояло перед глазами. Бук-

вы прыгали. Знал это чувство. Чувство, когда внутри что-то ломается. Когда ось смещается. Когда ты понимаешь: перешёл черту. Не ту черту, которую переходил раньше. Раньше убивал виновных. Потенциально виновных. Знал, что они сделают. Видел их будущее. Был судьёй. Плохим, но судьёй. А теперь убил невинного. Ребёнка. Перестал быть судьёй. Стал палачом. Хуже. Стал машиной. Машиной, которая убивает по подозрению. По совпадению. По имени.

Открыл глаза. Снег всё шёл.

Встал и подошёл к книжному шкафу. Достал том «Истории Средних веков». Том третий. Открыл на странице двести двенадцатой. Там лежал список. Двенадцать имён. Двенадцать красных линий. Смотрел на них. Думал: я убил их. Убил их всех. И что? Преступность упала до нуля. На пять месяцев. На пять месяцев город стал раем. Без насилия. Без страха. А потом я убил мальчика. И рай рухнул.

Положил список обратно. Закрыв книгу. Поставил на полку.

Думал: что, если рай невозможен? Что, если любая попытка построить рай на крови приводит к аду? Что, если насилие нельзя дозировать? Нельзя контролировать? Нельзя направить только на плохих? Оно всегда вырывается. Всегда бьёт по своим. По невинным. По детям.

Но тут же думал: а как иначе? Сидеть сложа руки? Смотреть, как убивают детей? Как насилуют женщин? Как зло побеждает? Это тоже выбор. Выбор, за который ты отвечаешь.

Если можешь остановить убийцу и не останавливаешь — ты соучастник. Если можешь предотвратить преступление и не предотвращаешь — ты виновен. Но если предотвращаешь его насилием — ты тоже виновен. Вина везде. Куда ни повернись. Это была клетка. Это была ловушка. Это была петля.

Лёг на кровать. Потолок белый. Трещина в углу. Смотрел на трещину и думал: есть ли выход? Выход, в котором ты не жертва и не палач. Выход, в котором ты не труп и не убийца. Есть ли третий путь?

Не знал. Прожил сорок семь жизней и не нашёл его. Сорок восемь. Восемь. Уже восемь.

Закрыв глаза. Сон не шёл. Сон пришёл под утро. Короткий. Рваный. Кошмары. Лица. Глаза мальчика. Письмо. Снег. Кровь на снегу. Красное на белом.

Утром пошёл в школу. Снег перестал. Город был белый и чистый. Дети лепили снеговиков. Снеговики были кривые. С морковками вместо носов. С веточками вместо рук. Улыбались. Не знали.

В учительской ждала Татьяна Петровна. Лицо у неё было серьёзное. Держала газету.

— Андрей Викторович, вы видели?

— Что? — спросил он.

— В городе нашли тело. Мальчика. Четырнадцать лет. Убит.

Протянула ему газету. Он взял. Первая полоса. Фотогра-

фия. Чёрно-белая. Плохого качества. Лицо мальчика. Гриша Савелов. Его лицо.

— Ужас, — сказала Татьяна Петровна. — В нашем городе. Убийца. Настоящий убийца. Полиция ищет. Говорят, ма-
ньяк.

Андрей смотрел на газету. Буквы не двигались. Строки не расплывались. Читал: «Тело четырнадцатилетнего Григория Савелова обнаружено накануне вечером. Причина смерти — ножевое ранение. Следствие рассматривает все версии. Родители убиты горем. Мать госпитализирована с сердечным приступом».

Читал и чувствовал пустоту. Огромную. Ледяную. Пустоту, в которой не было ничего. Ни жалости. Ни раскаяния. Ни страха. Только пустота. Такая пустота, из которой не возвращаются.

— Андрей Викторович, вам плохо? — спросила Татьяна Петровна.

— Нет, — сказал он. — Просто... я знал этого мальчика.

— Знали?

— Учился в соседней школе. Я видел его на олимпиаде по истории. Хороший мальчик.

— Господи, — сказала Татьяна Петровна. — Какой ужас. Вы в порядке?

— В порядке, — сказал он. — Я в порядке.

Положил газету на стол. Ровно. Аккуратно. Как тетрадь. Как список. Пошёл в класс. Ноги были ватные. Руки ледя-

ные. Шёл по коридору и думал: я убил его. Я. Не маньяк. Не какой-то там убийца. Я. Учитель истории. Сорок семь лет. Сорок семь жизней. Я.

Зашёл в класс. Девятый «А». Настя сидела за первой партой. Улыбалась. Не знала. Никто не знал.

— Тема урока — «Сталинские репрессии», — сказал он. Голос был чужой. Далёкий. Как из колодца. — Откройте тетради. Запишите число.

Они записывали. Ручки скрипели. Солнце било в окно. Снег таял на подоконнике. Капли падали на пол. Кап. Кап. Кап. Как метроном. Как счётчик. Как секунды до смерти.

— Тридцать седьмой год, — сказал он. — Массовые аресты. Расстрелы. Лагеря. Люди исчезали по ночам. Их забирали по доносам. По подозрению. По ошибке. Ошибка стоила жизни. Ошибка в фамилии. Ошибка в адресе. Ошибка в имени.

Остановился. Класс молчал.

— Государство считало, что имеет право на насилие, — сказал он. — Что цель оправдывает средства. Что убийство немногих спасёт многих. Мы знаем, чем это кончилось.

Посмотрел на Настю. Она слушала. Глаза серьёзные. Понимала.

— Чем это кончилось, Андрей Викторович? — спросил кто-то с задней парты.

— Этим всё и кончилось, — сказал он. — Кровью. Горем. Лагерями. Миллионами смертей. И самое страшное — не

то, что государство стало убийцей. А то, что убийцами стали обычные люди. Соседи. Коллеги. Друзья. Доносили. Боялись. Верили. Хотели как лучше.

Замолчал. Взял мел. Написал на доске: 1937. Мел сломался. Поднял обломок. Написал дальше: «Может ли обычный человек стать убийцей?»

— Запишите вопрос, — сказал он. — Это тема эссе.

Они записали. Тишина была полная. Даже Илья не шумел. Даже Илья слушал.

После урока сидел за столом и смотрел на газету. Татьяна Петровна оставила её в учительской. Он забрал. Не знал зачем. Развернул. Фотография. Гриша Савелов. Школьная фотография. Улыбался. Был живой. Живой мальчик. Теперь мёртвый.

Читал статью. «Мать мальчика, Елена Савелова, 42 года, работает медсестрой в городской больнице. Одна воспитывала сына. Отец ушёл из семьи, когда Грише было три года. По словам соседей, Гриша был тихим, вежливым мальчиком. Хорошо учился. Помогал матери по дому. Писал стихи. Мечтал стать врачом».

Андрей закрыл газету. Стихи. Мальчик писал стихи. И письма Деду Морозу. И мечтал стать врачом. Чтобы вылечить мать. Чтобы спасти людей.

Он убил его.

Положил газету в портфель. Ровно. Аккуратно. Будет хранить её. Как память. Как наказание. Как напоминание.

Вечером сидел дома. Не включал свет. Снег за окном светился. Белый. Чистый. Смотрел на снег и думал о том, что делать дальше. Закончил список. Двенадцать имён. Двенадцать трупов. И ещё один. Тринадцатый. Лишний. Случайный. Как тринадцатый месяц в году. Как тринадцатый знак зодиака. Как ошибка в программе. Сбой. Глюк.

Думал: я должен остановиться. Прямо сейчас. Навсегда. Больше никаких списков. Никаких ножей. Никаких планов. Должен стать нормальным. Просто учителем. Просто человеком.

Но знал, что это невозможно. Не мог стать нормальным. Уже не был нормальным. Был убийцей. Был серийным убийцей. Самым успешным в истории. Или самым неудачным. Смотря как считать.

Думал: что будет, если я остановлюсь? Если выброшу нож и буду просто жить? Преступность вернётся. Зло вернётся. Люди, которых он мог бы остановить, убьют других людей. Дети умрут. Женщины будут плакать. Кровь будет литься. И эта кровь будет на нём. Потому что мог остановить — и не остановил.

Но если продолжит — опять ошибётся. Обязательно ошибётся. Потому что не Бог. Потому что память несовершенна. Потому что реальность меняется. Потому что имена похожи. Потому что невиновных больше, чем виновных. Потому что петля.

Это был ад. Ад, в котором ты виноват, что бы ты ни сде-

лал. Ад, в котором любое действие ведёт к злу. Ад, в котором бездействие — тоже зло. Ад без выхода.

Сидел в темноте и думал о петле. О том, что петля — это не наказание. Петля — это урок. Урок, который он никак не выучит. Который учит уже сорок восемь жизней. И всё равно проваливает экзамен.

О чём урок? О том, что насилие не работает? Но оно работает. Преступность упала до нуля. Дети были спасены. О том, что насилие работает слишком хорошо? Что всегда заходит дальше, чем ты планировал? Что всегда бьёт не туда? О том, что ты не Бог? Но он и не пытался быть Богом. Просто хотел спасти людей. Просто хотел сделать мир лучше.

Или урок о том, что добро и зло — это не категории? Что они переплетены? Что из добра вырастает зло? Что из зла — добро? Что нет чистых цветов? Только грязные оттенки серого?

Не знал. Устал знать.

Лёг на пол. Пол был холодный. Холодный — это честно. Лежал и смотрел в потолок. Трещина. Думал: сколько ещё? Сколько жизней нужно прожить, чтобы понять? Сколько ошибок сделать? Сколько людей убить?

Сто? Тысячу? Миллион?

Петля бесконечна. Знал это. Знал с самого начала. С первой жизни. С первой смерти. Петля — это не то, что можно разорвать. Петля — это то, в чём можно только жить. Или умирать. Что одно и то же.

Закрыв глаза. Уснул на полу. Без снов. Без кошмаров. Без ничего.

Утром проснулся от холода. Спина болела. Руки заочечнели. Встал. Сделал зарядку. Принял душ. Позавтракал. Пошёл в школу. Всё как обычно. Всё как всегда.

День шёл за днём. Неделя за неделей. Месяц за месяцем. Снег таял. Пришла весна. Потом лето. Каникулы. Провёл их в городе. Читал книги. Проверял тетради. Смотрел в окно. Не убивал.

Не убивал уже полгода. Список лежал в книге. Не доставал его. Нож лежал в ящике стола. Не точил его. Пытался быть нормальным. Просто жить. Просто дышать. Просто ждать.

Осенью начался новый учебный год. Вошёл в класс. Десятый «А» стал десятым «А». Те же лица. Настя за первой партой. Илья на последней. Выросли. Изменились. Не знали.

Вёл уроки. Писал даты синим мелом. Задавал вопросы. Проверял тетради. Всё было как раньше. Почти.

Однажды в учительскую пришла полиция. Два человека. В штатском. Говорили с директором. Потом с Татьяной Петровной. Потом с другими учителями. Андрей сидел за своим столом и проверял сочинения. Тема: «Может ли обычный человек стать героем?» Читал ответы. Глупые. Умные. Навивные. Одна девочка написала: «Герой — это тот, кто жертвует собой ради других». Поставил пятёрку.

— Андрей Викторович, — сказала Татьяна Петровна. —

Вас просят подойти.

Встал. Подошёл. Полицейские были молодые. Лет тридцать. У одного усы. У второго очки.

— Вы знали Григория Савелова? — спросил усатый.

— Видел его однажды, — сказал Андрей. — На олимпиаде.

— И всё?

— И всё.

— Не знаете, у него были враги? Может, кто-то угрожал?

— Не знаю. Я не был с ним знаком.

Записали. Закрыли блокнот. Поблагодарили. Ушли. Андрей вернулся за стол. Руки не дрожали. Голос не срывался. Был спокоен. Спокойнее, чем тогда. Спокойнее, чем всегда.

Дело закрыли через месяц. За недостатком улик. Маньяка не нашли. Потому что маньяка не было. Был только учитель истории. Учитель, который проверял тетради. Учитель, который писал даты синим мелом. Учитель, который хотел спасти мир и убил ребёнка.

Снег пошёл опять. В октябре. Как в прошлом году. Андрей стоял у окна и смотрел. Снежинки падали. Белые. Чистые. Как будто ничего не случилось. Как будто можно начать заново.

Думал: может, в следующей жизни? Может, там найдёт ответ? Может, там не возьмёт нож? Может, там будет просто жить? Не вмешиваться? Не убивать? Быть святым?

Вспомнил третью жизнь. Священник. Семьдесят два го-

да. Молился. Исповедовал. Прощал. И что? Умер с чувством вины. С грузом непрощённого греха. С памятью о немецком мальчике.

Вспомнил тридцать первую жизнь. Не вмешивался. Был стеклом. Мир тёк сквозь него. И жену убили. Тот же насильник из двенадцатой жизни. Петля нашла его. Петля всегда находит.

Вспомнил сорок седьмую жизнь. Эту жизнь. Вмешался. Убил двенадцать человек. Спас десятки. И убил одного невиновного. И петля затянулась.

Что осталось? Что ещё попробовать?

Не знал. Стоял у окна и смотрел на снег. Снег шёл и шёл. Бесконечный. Бессмысленный. Чистый.

Где-то в городе мать Гриши Савелова смотрела в потолок и думала о сыне. Где-то Настя дописывала эссе о героизме. Где-то Илья прятал наркотики в двойное дно. Где-то будущие убийцы дышали, ели, спали, ещё не зная, что они — будущие убийцы. Где-то будущие жертвы смеялись, ещё не зная, что они — будущие жертвы.

А человек, который прожил сорок семь жизней, стоял у окна и смотрел на снег. Знал, что петля не разорвётся. Знал, что выхода нет. Знал, что в следующей жизни снова возьмёт нож.

Потому что не взять — значило сдаться. Не взять — значило признать, что все его жертвы были напрасны. Не взять — значило позволить злу победить. Не мог этого позволить.

Не мог. Даже если это означало снова стать злом. Даже если это означало снова убить невинного. Даже если это означало гореть в аду вечно.

Потому что ад — это не наказание. Ад — это выбор. Выбор, который делаешь каждое утро. Каждый день. Каждую жизнь.

Снег падал. Он смотрел. Рука сама потянулась к ящику стола. К ножу. К списку.

Петля замыкалась.

Он знал это.

И ничего не мог с этим сделать.

Потому что петля — это не проклятие. Петля — это ты.

Список

Список был живой. Он дышал. Лежал в книге, между страницами двести двенадцатой и двести тринадцатой, и дышал. Андрей слышал это дыхание по ночам. Оно было тихое, как шорох тараканов за обоями. Как скрип половиц в пустой квартире. Как стук сердца человека, который знает, что за ним придут.

Он не доставал список уже полгода. Полгода, три месяца и одиннадцать дней. Он считал. Всегда считал. Счёт был единственным, что держало его в реальности. Сорок семь жизней. Двенадцать имён. Одиннадцать зачёркнутых. Одно незачёркнутое. Тринадцать убитых. Тринадцатый — невиновен. Цифры. Сухие. Точные. Как даты в учебнике истории. Как температура тела. Как пульс.

В этот вечер он достал список. Не хотел. Рука сама потянулась к книжной полке. Пальцы сами нашли том. Третий. «История Средних веков». Корешок затёртый. Он открывал эту книгу сотни раз. В этой жизни. В прошлых. Книга пахла пылью и временем. Время пахло кислым. Как старые газеты. Как подвал. Как могила.

Развернул лист. Бумага пожелтела. Чернила выцвели, но были читаемы. Двенадцать имён. Фамилии, имена, отчества. Адреса. Даты. Всё по-военному чётко. Он служил в армии в пяти жизнях. Знал, как составлять списки. Как писать ра-

порты. Как отдавать приказы.

Первое имя: Олег Панкратов. Зачёркнут. Красная линия. Ровная. Второе: Артур Фомин. Зачёркнут. Третье: Марат Садыков. Зачёркнут. Четвёртое. Пятое. Шестое. Седьмое. Восьмое. Девятое. Десятое. Одиннадцатое. Все зачёркнуты. Все мертвы. Двенадцатое: Григорий Савельев. Зачёркнут. Последний в списке. Последний из плана.

И ниже — пустота. Белое пространство. Там должно было быть тринадцатое имя. Гриша Савелов. Не вписал его. Не смог. Рука не поднялась. Это была единственная уступка. Единственное признание. Мальчика нет в списке. Мальчик — ошибка. Ошибка, за которую нет красной линии. Нет зачёркивания. Нет завершения. Андрей положил список на стол. Разгладил ладонью. Бумага была тонкая. Почти прозрачная. На свету видны были водяные знаки. Линии. Сетка. Как решётка. Как клетка.

Сидел и смотрел на список. Час. Два. Три. Ночь ползла за окном. Снега не было. Был ноябрь. Тёмный. Мокрый. Дождь стучал в стекло. Капли текли вниз. Одна догоняла другую. Слипались. Падали. Как люди. Как жизни. Как смерти.

Думал о том, что список кончился. Двенадцать имён. Двенадцать тел. Работа завершена. Можно выдохнуть. Можно жить дальше. Можно притвориться нормальным. Но знал, что это ложь. Список не может кончиться. Список — это не лист бумаги. Список — это идея. Идея о том, что зло можно вычислить. Выделить. Изолировать. Уничтожить. Идея не

умирает. Она ждёт. Всегда ждёт.

Новые имена. Новые лица. Новые потенциальные убийцы. Росли, как трава. Как сорняк. Ты выкопал грядку — через неделю она снова зелёная. Убил двенадцать — через год появятся ещё двенадцать. Зло бесконечно. Зло — это ресурс. Возобновляемый. Как воздух. Как вода. Как сама жизнь.

Взял ручку. Чёрную. Капиллярную. Тонкую. Любил тонкие ручки. Они оставляли ровный след. Без клякс. Без помарок. Открыл тетрадь. Ту самую. Клетчатую. На новой странице. Чистой. Белой.

Начал писать.

«Список номер два. Предварительный».

Остановился. Посмотрел на слова. Список номер два. Это звучало как приговор. Как объявление войны. Как признание поражения. Думал: я обещал себе остановиться. Я убил мальчика. Я чудовище. Я должен прекратить. Должен. Это слово ничего не значило. Долг — это то, что ты придумываешь, чтобы оправдать себя. Чтобы спать по ночам. Чтобы не выть на луну.

Продолжил писать.

«Критерии включения: 1. Совершит убийство в течение двух лет. 2. Совершит изнасилование с летальным исходом. 3. Совершит серию преступлений против детей. Источник данных: память прошлых жизней. Верификация: перекрёстная проверка по газетам, слухам, личным наблюдениям в текущей реальности».

Писал методично. Как методичку. Как учебный план. Как расписание уроков. Критерии. Методы. Источники. Был учителем. Не мог иначе. Учитель всегда составляет план. Учитель всегда проверяет источники. Учитель всегда ставит оценки. Двойка — смерть. Пятёрка — жизнь. Ставил оценки уже сорок семь жизней. Сорок восемь. Восемь. Сбился.

Перевернул страницу. Начал писать имена.

Первое. Знал его. Знал из тридцать пятой жизни. Тогда был журналистом и писал о криминале. Имя было — Вадим Кротов. Тридцать два года. Грузчик на складе. Через полтора года убьёт свою сожительницу. Забьёт до смерти табуретом. Тело расчленит. Части выбросит в реку. Поймают. Дадут пятнадцать лет. В тюрьме убьёт сокамерника. Потом ещё одного. Умрёт в тюрьме от туберкулёза, но до этого убьёт четырёх. Андрей записал: «Вадим Кротов. Адрес: ул. Речная, 15, кв. 3. Срок: до марта 2025 года. Подтверждение: двойное. Личное наблюдение — склонность к агрессии, следы побоев на сожительнице. Архивная память — совпадает с данными из жизни 35».

Второе имя. Рустам Ибрагимов. Тридцать пять лет. Владелец ларька. В тридцать шестой жизни изнасиловал и убил девочку-подростка. Её тело нашли в лесу. Избежал наказания. Свидетелей не было. ДНК не совпало. В тридцать седьмой жизни сделал это снова. И в тридцать восьмой. Серия. Пять жертв. Андрей записал его. Адрес. Срок. Подтверждение.

Третье. Четвёртое. Пятое. Писал и писал. Память работала как машина. Как компьютер. Как склад. Помнил тысячи имён. Тысячи лиц. Тысячи преступлений, которые ещё не совершены. Помнил их все. Не мог забыть. Забыть — значило предать. Забыть — значило позволить. Забыть — значило убить будущих жертв.

Остановился на восьмом имени. Рука устала. Глаза слезились. Посмотрел на часы. Четыре утра. Писал шесть часов. Восемь имён. Восемь будущих трупов. Восемь будущих спасённых жизней? Или восемь будущих ошибок? Не знал. Выключил свет. Лёг на кровать. Не спал. Смотрел в потолок. Думал.

Утром пошёл в школу. Уроки шли как обычно. Говорил о Французской революции. О Робеспьере. О терроре. О том, как революция пожирает своих детей. Настя подняла руку.

— Андрей Викторович, а Робеспьер был злодеем?

— Сложный вопрос, — сказал он. — Хотел добра. Верил в добродетель. Хотел построить царство разума. Для этого казнил тысячи людей. Думал, что цель оправдывает средства. Ошибся. Средства съели цель. Средства стали целью.

— А можно построить добро без крови? — спросила Настя.

Андрей посмотрел на неё. На чистые глаза. На брекеты. На тетрадь с ровным почерком. Писала эссе «Насилие никогда не оправдано». Верила в это. Была молодая.

— Я не знаю, — сказал он. — Я ищу ответ.

— И как? Нашли?

— Нет. Но я продолжаю искать.

После уроков пошёл в библиотеку. Городская библиотека была старая. Пыльная. Пахло книгами и старостью. Взял подшивки газет за последние пять лет. «Вечерний город». «Новости региона». «Криминальная хроника». Сел за стол и начал читать. Проверял. Всегда проверял. Память могла подвести. Память — это не жёсткий диск. Память — это вода. Она течёт. Меняется. Лжёт.

Читал заметки о преступлениях. Об убийствах. Об изнасилованиях. О пропавших детях. Сверял имена с теми, что были у него в голове. С теми, что записал ночью. Совпадения были. Много совпадений. Память работала. Память была оружием. И проклятием.

Нашёл заметку о Вадиме Кротове. Не о нём самом. О его брате. Брат сидел за драку. Бил человека насмерть. Арматурой. Яблоко от яблони. Генетика. Среда. Записал это в тетрадь. Подтверждение.

Рустам Ибрагимов. Была заметка. Два года назад. Задерживался за домогательства. Дело закрыли. Потерпевшая забрала заявление. Записал.

Сидел в библиотеке до закрытия. Старуха-библиотекарь кашляла и гремела ключами. Хотела домой. Он сдал подшивки. Вышел на улицу. Темнело. Ноябрь. Мокрый снег. Холод.

Шёл по улице и думал о списке. О восьми именах. О том,

что список будет расти. Знал это. Знал, что не остановится. Что не сможет остановиться. Что петля уже затянулась. Просто ещё не почувствовал. Как удав. Как капкан. Как судьба.

Пришёл домой. Сел за стол. Открыл тетрадь. Дописал девятое имя. Десятое. Одиннадцатое. Двенадцатое. Остановился на двенадцати. Как в прошлый раз. Дюжина. Ровный счёт. Дюжина — хорошее число. Завершённое. Как месяцы в году. Как апостолы. Как колода карт.

Закрыл тетрадь. Достал нож. Нож лежал в ящике стола. В коробке из-под обуви. Завёрнутый в тряпку. Развернул. Нож был чёрный. Матовое лезвие. Острое. Провёл пальцем по лезвию. Кожа расступилась. Кровь выступила каплей. Красная. Яркая. Смотрел на кровь. Кровь была настоящая. Кровь была честная. Кровь была ответом.

Начал подготовку. Методично. Как всегда. Первое имя: Вадим Кротов. Улица Речная, 15, квартира 3. Поехал туда в выходной. Днём. Оделся как страховой агент. Планшет. Бланки. Вежливая улыбка. Позвонил в дверь. Открыла женщина. Худая. Синяк под глазом. Свежий. Жёлто-фиолетовый. Смотрела испуганно. В глубине квартиры орал телевизор. Мужской голос матерился.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. — Я из страховой компании «Гарант». Мы проводим опрос жителей района. Можно задать вам несколько вопросов?

— Я ничего не покупаю, — сказала женщина.

— Это бесплатно. Это опрос. Можно войти?

Она оглянулась. Из комнаты раздался крик: «Закрой дверь, дура! Сквозняк!» Вздрогнула.

— Нет, — сказала она. — Не сейчас. Извините.

Закрыла дверь. Андрей стоял и смотрел на дверь. Дверь была обшарпанная. Дерматин порван. Под ним — вата. Жёлтая. Грязная. Запомнил расположение квартиры. Третий этаж. Окна во двор. Балкона нет. Пожарная лестница есть. Ржавая. Но держит.

Вышел на улицу. Обошёл дом. Посмотрел на окна. Окна Кротова — на втором этаже. Ошибся. Квартира три была на втором. Записал поправку. Второй этаж. Окна выходят на помойку. Под окнами — мусорные баки. Кошки. Запах гнили. Хорошо. Ночью здесь никто не ходит.

Второе имя. Рустам Ибрагимов. Ларёк на углу Пролетарской и Мира. Подошёл к ларьку. Заказал пачку сигарет. Не курил в этой жизни. Но сигареты были предлогом. Ибрагимов стоял за прилавком. Здоровый. Шея бычья. Пальцы толстые. Ногти грязные. Улыбался. Улыбка была щербатая. Золотой зуб. Подал сигареты. Андрей взял. Посмотрел ему в глаза. Глаза были тёмные. Пустые. Как у акулы. Как у куклы.— Спасибо, — сказал Андрей.

— Заходи ещё, — сказал Ибрагимов и подмигнул.

Андрей отошёл. Стоял за углом. Смотрел. Ларёк работал до одиннадцати. Потом Ибрагимов закрывал его. Шёл домой. Дворами. Тёмными. Без фонарей. Хорошо.

Третье. Четвёртое. Пятое. Объезжал адреса. Собирал ин-

формацию. Составлял планы. Был профессионалом. Лучшим в мире. Потому что никто в мире не тренировался сорок восемь жизней.

Однажды вечером сидел в кафе. Маленькое кафе на окраине. Пластиковые столы. Запах пригорелого масла. Пил чай и просматривал записи. Тетрадь лежала на столе. Не боялся. Тетрадь была зашифрована. Имена заменены инициалами. Адреса — координатами. Даты — кодами. Если кто-то найдёт — ничего не поймёт. Шифр был простой. Шифр был из жизни номер шестнадцать. Криминалист. Знал, как прятать информацию.

К нему подошла официантка. Молодая. Лет двадцать. Уставшая. Фартук в пятнах.— Ещё чаю?

— Да, — сказал он.

— Спасибо.

Принесла чайник. Посмотрела на тетрадь.

— Вы писатель? — спросила она.

— Нет. Учитель.

— Уроки проверяете?

— Планы на будущее.

Она улыбнулась. Улыбка была добрая. Искренняя. Такая улыбка бывает у людей, которые не знают зла. Которые не видели его вблизи. Которые ещё верят.

— Хороших вам планов, — сказала она.

— Спасибо, — сказал он.

Ушла. Он смотрел ей в спину. Хрупкая. Беззащитная. Не

знала, что сидит напротив убийцы. Что убийца пьёт чай и планирует новые убийства. Что убийца хочет спасти таких, как она. Что убийца уже убил мальчика, который тоже хотел спасти. Петля.

Допил чай. Заплатил. Вышел. Ночь была холодная. Звёзды. Мороз. Шёл и думал о списке. О двенадцати новых именах. О том, что он снова стоит на краю. На том же краю, что и год назад. Что и десять жизней назад. Что и всегда.

Думал: что изменилось? Я убил мальчика. Невинного. Поклялся остановиться. Я не остановился. Просто взял паузу. Просто ждал, пока заживёт. Не зажило. Никогда не заживёт. Но я снова здесь. Снова с ножом. Снова со списком.

Почему? Потому что я не могу иначе. Потому что если не я, то кто? Полиция не может. Закон не может. Общество не может. Они ловят уже после. После того, как тело остыло. После того, как мать выплакала все слёзы. После того, как всё кончено. А я могу до. Я единственный, кто может до.

Но могу ли? Могу ли отличить виновного от невинного? Могу ли быть судьёй? После Гриши? После письма Деду Морозу? После того, как я увидел его глаза?

Ответ был — нет. Не могу. Уже доказал, что не могу. Уже убил невинного. Уже стал злом. Но если я не буду действовать — зло убьёт других. Тех, кого мог бы спасти. Тех, кто ещё жив. Тех, кто ещё не знает.

Это был тупик. Это была стена. Это был ноль.

Пришёл домой. Открыл тетрадь. Посмотрел на список.

Двенадцать имён. Чистые. Незачёркнутые. Живые. Пока живые.

Думал: может, не всех? Может, только тех, кто точно? Кто без сомнений? Кого видел своими глазами в прошлых жизнях? Кто признан виновным судом его памяти? Но память — это не суд. Память — это туман. Память — это зеркало, которое криво висит.

Вспомнил двадцать третью жизнь. Убил невинного. Ошибка. Думал, что научился. Думал, что теперь проверяет лучше. Но Гриша Савелов доказал, что нет. Что он не научился. Что не может научиться. Что обречён на ошибки. Что каждая ошибка — это чья-то жизнь.

Закрыв тетрадь. Встал. Подошёл к окну. За окном была ночь. Фонарь горел жёлтым. Снег не шёл. Асфальт был чёрный и мокрый. В луже отражался фонарь. Дрожал. Кривлялся.

Думал о том, что есть другой путь. Путь, который ещё не пробовал. Путь, в котором не убивает преступников. А спасает жертв. Не наказывает зло, а защищает добро. Думал об этом. В прошлых жизнях. Иногда. Но это было сложнее. Намного сложнее. Убить одного — легко. Спасти многих — трудно. Убить — это один удар. Спасти — это годы. Это система. Это изменение мира. Не мог изменить мир. Мог только вычитать из него. Вычитать зло. Как в уравнении.

Но уравнение не сходилось. Сколько бы ни вычитал — зло оставалось больше. Зло было бесконечно. Как число пи. Как

время. Как петля.

Отошёл от окна. Лёг на кровать. Потолок. Трещина. Всё как всегда. На следующий день не пошёл в школу. Сказал, что заболел. Татьяна Петровна поверила. Она всегда верила. Был хорошим учителем. Ответственным. Никогда не пропускал уроки. Один день — не страшно. Один день — подозрительно. Но никто не заподозрил. Потому что никто не смотрит на серых людей. На серых учителей. На серых убийц.

Сидел дома и думал. Целый день. Без еды. Без воды. Думал о двенадцати именах. О Вадиме Кротове. О его сожительнице с синяком. О том, что она умрёт через полтора года. Табурет. Расчленение. Река. Он мог остановить это. Прямо сейчас. Сегодня вечером. Нож. Верёвка. Окно на помойку. И она будет жить. Не будет знать, кто её спас. Будет плакать от радости или от горя — он не знал. Может, она любила его. Может, будет горевать. Но она будет жить. Это главное. Жить.

Думал о Рустаме Ибрагимове. О девочках, которых он убьёт. Пять девочек. Их лица. Их имена. Помнил их из прошлых жизней. Катя. Марина. Света. Аня. Лена. Пять имён. Пять могил. Мог остановить это. Сегодня. Завтра. В любой день. И они будут жить. Вырастут. Станут женщинами. У них будут дети. Внуки. Жизнь продолжится.

Но также думал о Грише Савелове. О том, что в новом списке может быть ещё один Гриша. Мальчик, чьё имя похо-

же. Мальчик, чья фамилия звучит так же. Мальчик, который ничего не сделал. Мальчик, который пишет стихи и мечтает стать врачом. И он убьёт его. По ошибке. По совпадению. По инерции.

И тогда все его жертвы будут напрасны. Потому что убийца невинного — не спаситель. Убийца невинного — просто убийца. Даже если спас сотню. Даже если предотвратил тысячу смертей. Тысяча спасённых не оправдывают одного убитого ребёнка. Или оправдывают? Это был вопрос. Тот самый вопрос. Тот, что задавал ученикам. Тот, на который не было ответа.

Вечером встал. Принял душ. Побрелся. Надел чистое. Приготовил снаряжение. Нож. Верёвка. Перчатки. Фонарик. Всё как обычно. Всё как всегда.

Положил список в карман. Вышел из дома. Улица была пустая. Ночь. Мороз. Луна.

Шёл по улице и думал: это момент истины. Момент, когда решаешь. Не умом. Не логикой. А чем-то другим. Тем, что глубже. Тем, что не имеет имени. Тем, что зовётся судьбой. Или проклятием. Или петлёй.

Пришёл на Речную улицу. Дом пятнадцать. Помойка. Кошки разбежались. Запах гнили. Окна тёмные. Только одно горело. Второй этаж. Квартира три. Окно Кротова. За шторой двигалась тень. Две тени. Мужская и женская. Они кричали. Слов было не разобрать, но интонация — ярость. Потом звук удара. Женский вскрик. Тишина. Андрей стоял

в темноте. Рука на ноже. Смотрел на окно. Тень мужчины подошла к окну. Закурила. Огонёк сигареты. Красный. Как красный мел. Как кровь на снегу.

Мог залезть. Окно было открыто. Форточка. Второй этаж. Пожарная лестница. Пять минут — и он внутри. Два удара — и Кротов мёртв. Женщина спасена. Первое имя зачёркнуто. Всё чисто. Всё правильно.

Но стоял. Ноги не шли. Рука не поднималась. Что-то держало. Что-то, чего не испытывал раньше. Страх. Не тот страх, что был в двенадцатой жизни. Не страх тюрьмы или смерти. Другой страх. Страх ошибиться. Страх убить не того. Опять. Снова.

Смотрел на тень за шторой. На красный огонёк. И думал: что, если в прошлой жизни газета ошиблась? Что, если убийца — не Кротов, а кто-то другой? Сосед? Брат? Случайный прохожий? Что, если он убьёт Кротова, а через год его сожительницу убьёт другой? Или она сама кого-то убьёт? Или умрёт от болезни? Или попадёт под машину? Будущее не предопределено. Знал это. Менял будущее каждым своим действием. Каждым убийством создавал новую реальность. Реальность, в которой не знал, что будет дальше. Помнил только прошлое. Прошлые версии. Прошлые петли. А эта петля была новая. Эта петля была неизвестна.

Убрал руку с ножа. Отошёл в тень. Сел на корточки. Прислонился спиной к мусорному баку. Холод металла. Запах гнили. Дышал. Медленно. Глубоко. Как учили в девятой

жизни. Снайпер. Дыхание — это контроль. Контроль — это жизнь.

Просидел так час. Два. Огонёк в окне погас. Тени исчезли. Свет погас. Тишина.

Встал. Пошёл домой. Не убил. Не смог. Впервые за много жизней пришёл, увидел и не убил. Это была победа? Или поражение? Не знал.

Дома разделся. Сел на кровать. Смотрел в стену. Стена была серая. Обои в цветочек. Старые. Выцветшие. Думал: я не убил Кротова. Оставил его жить. Теперь он убьёт свою сожительницу. Или не убьёт. Или убьёт, но позже. Или убьёт кого-то ещё. Я не знаю. Не могу знать. Я не Бог. Лёг. Закрыл глаза. Спал без снов.

Утром пошёл в школу. Уроки. Даты. Мел. Всё как обычно. Настя написала новое эссе. «Может ли обычный человек стать убийцей?» Написала: «Нет. Обычный человек не может стать убийцей. Убийцами становятся только больные люди. Здоровый человек не способен на такое». Прочитал. Поставил пятёрку. Не написал комментарий. Комментарий был бы слишком длинным. Комментарий был бы в сорок восемь жизней.

После уроков сидел в учительской. Татьяна Петровна говорила о погоде. О том, что обещают снег. О том, что нужно чистить крышу школы. Кивал. Пил чай. Смотрел в окно. Небо было серое. Тяжёлое.

— Андрей Викторович, вы какой-то задумчивый в по-

следнее время, — сказала она. — Может, вам в отпуск?

— Да, — сказал он. — Наверное.

— Съездите на юг. К морю. Отдохните.

— Море — это хорошо, — сказал он. — Море смывает всё.

— Что смывает?

— Следы, — сказал он. — Просто следы.

Она посмотрела на него странно. Ничего не сказала. Отвернулась к своим бумагам.

Сидел и думал о списке. О двенадцати именах. О том, что не убил Кротова. О том, что всё ещё может передумать. Что может выбросить нож. Сжечь список. Стать нормальным.

Но знал, что не станет. Знал, что однажды ночью снова встанет. Снова оденется. Снова возьмёт нож. Снова выйдет в темноту. Потому что список — это не бумага. Список — это он сам. Его суть. Его проклятие. Его петля.

Допил чай. Помыл кружку. Пошёл домой. Улицы были серые. Люди — серые. Жизнь — серая. Только кровь — красная. Только снег — белый. Только мел — синий.

Дома открыл тетрадь. Посмотрел на список. Взял ручку. Рядом с именем Вадима Кротова поставил знак вопроса. Маленький. Чёрный. Знак сомнения. Знак того, что он ещё человек. Пока человек. Пока.

Закрыл тетрадь. Лёг спать. Завтра будет новый день. Новые уроки. Новые даты. Новый мел. А список подождёт. Список всегда ждёт. Список — это терпение. Список — это

время. Список — это петля.

За окном пошёл снег. Первый снег в этом году. Крупные хлопья. Белые. Чистые. Падали на чёрный асфальт и таяли. И снова падали. Бесконечно. Как жизни. Как смерти. Как всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.